

— **ГЕРОИ** ваших двух последних картин — музыканты. Чем была продиктована необходимость именно такого выбора?

— История, рассказанная в «Певчем дрозде», могла бы произойти, допустим, с инженером, но тогда мы были бы стеснены в его передвижениях. Человек, который вместо того, чтобы находиться в своем рабочем месте, мелькает там и сям, наверно, показался бы зрителю человеком предвзвешенным.

Выбор профессии для героя «Певчего дрозда» должен был отвечать еще одному, самому важному требованию: он должен был привносить в картину существенный смысл. Нам важно было подчеркнуть в герое духовность, для чего профессия музыканта была очень удобна. Более того, она позволяла нам его показать не просто исполнителем, но еще, в потенции, сочинителем. Мы могли бы сделать нашего героя замечательным математиком, изобретателем, литератором, но у этих профессий есть существенный для кинематографа недостаток — они не позволяют напрямую, наглядно передать на экране материал творчества героев.

Точно так же в «Пасторалии», скажем, мы могли брать для своего рассказа альпинистов, дачников, научных работников, приехавших в тихое место писать свои диссертации. Но опять же их профессии в этом случае не дали бы возможности наглядно показать героев в процессе занятий. Нам важно было выбрать для них профессию, связанную с духовностью, чтобы затем привести зрителя к тому, что человек, для которого духовность есть часть его профессии, не обязательно является человеком, для которого духовность есть часть его нравственного мира. Вот почему в итоге мы остановились на том, что наш рассказ пойдет о квартете музыкантов, приехавших в деревню для репетиций.

— Каков конфликт существования вашего героя — внутренний или внешний?

— Внутренние конфликты в общем-то не поддаются внешнему отображению. К

Отар ИОСЕЛИАНИ:

О ПРОФЕССИИ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ

Фильмы Отара Иоселиани — «Листопад», «Жил певчий дрозд», «Пастораль» — отличает неповторимое своеобразие интонации, соединяющей легкость, непринужденность, недидактичность с философичностью, глубиной раздумий о жизни, серьезностью нравственных итогов.

тому же в своих картинах я вообще стараюсь избегать явных конфликтов, хотя много внимания уделяю сюжетной стороне. То есть мы даем подробную разработку каждой из противоборствующих сторон, но в конфликте их не схлестываем — ограничиваемся лишь констатацией его возможности. Конфликт, таким образом, всегда возможен, но прослеживанием его коллизий мы не занимаемся. Для сюжета вполне достаточно того, чтобы были Ромео и Джульетта и вражда между Монтеки и Капулетти. Это уже сюжет. Достаточно показать, какова эта вражда, как она слепа и бессмысленна, показать, что в недрах этих кланов зреют и мучают два юных, прекрасных существа, и на этом пьесе можно кончать. Потому что дальше уже идут вещи самые элементарные — разрывание фабулы, приведение ее к нравоучительной морали. Самая плоская сторона драматургии пьесы или фильма — это превращение сюжета в фабульное действие.

Поэтому, разрабатывая свои картины, я стараюсь драматургический инструмент направлять в глубь разработки взрывоопасных ситуаций, слагающих сюжет.

— **СЕЙЧАС** много говорят о профессионализме. Как вы относитесь к этой проблеме?

— Быть профессионалом — это значит уметь играть на своем инструменте. Скрипачу для этого надо потратить минимум 15—17 лет долгих ежедневных упражне-

ний, живописцу — до двадцати пяти — тридцатилетнего возраста постоянно тренировать руку, то же самое можно сказать и о слесаре, выпиливающем сложнейшие детали, и о токаре, и о всех других.

К искусству такого рода профессионализм никакого отношения не имеет. Потому что можно до беспредельности изощряться в навыках ремесла, но при этом быть плохим музыкантом, плохим художником.

Режиссерской профессии человека можно научить за полгода, она не сложна. Но можно ли научить человека вкусу, мировоззрению, порядочности? Все это закладывается в человеке еще в детстве, еще даже до его рождения — жизнью всех его предков до двенадцатого колена.

Наверное, художник — это все же не личная функция, это миссия, на тебя возложенная всем существующим ныне и существовавшим прежде. И эту ношу, дорога она тебе или ненавистна, ты несешь, как каторжник. Иначе поступать ты просто не можешь.

Функции художника и проповедника, шута и рыцаря, лекаря и облегчителя душевных болей человечества — все они схожи, все подобны друг другу. Профессия это или призвание? Конечно, профессия необходима, ее надо знать, но все-таки самое главное начинается за пределами профессии.

Я не знаю, кто возлагает на художников эти функции. Но в любом случае, так же,

как птица, подчиняясь неведомой ей силе, летит с юга на север и с севера на юг, возвращаясь все в те же места, так и художник творит не по собственному произволу. Любое проявление своеволия приводит художника к тяжелейшему ощущению и в итоге — к разрушению личности.

Такой простой инструмент, как кинематограф, дает возможность сразу же определить, есть у человека совесть или нет. Трудно сказать про музыкальное произведение, что оно бессовестно. Вряд ли такой подход уместен к живописному полотну. Можно сказать: плохо, хорошо, симпатично, недурно. Но не бессовестно. А вот что касается профессий литератора или кинематографиста, то тут ошибиться невозможно. Все видно.

Я не думаю, что для настоящего писателя комплимент: «он пишет профессионально». Иной пишет очень профессионально, но меня от его литературы бросает в дрожь: это чистая игра в словеса. А вот когда читаешь Пушкина или «Хаджи-Мурата» Толстого (он тоже, случалось, грешил любованием словом, но здесь пришел к великой простоте и великому пониманию того, ради чего вообще существует литература), или «Мастера и Маргариту» Булгакова, то здесь никакого профессионализма не замечаешь: люди заняты делом и только делом. Им не для чего демонстрировать свою виртуозность.

Есть мастера с мировым именем, блистательно владеющие техникой, но бедности души она скрыть не может.

Да, силен в своих фильмах Бергман, дьявольски силен. Но задачи его бесстыдные, цель их — разрушение. А сейчас, когда все мы находимся у самого горнила зла, особенно важно сохранять структуру человеческих отношений. Столько веков жило человечество! Ценой какого горького опыта выработало оно все правила общения, понимания мира, умения сохранять душу!

Совсем не безразлично то, какую модель мира ты предлагаешь, чему учишь — добру или злу.

Беседовал А. ЛИПКОВ.